А.Б. Стрельникова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ «ПРОИЗВОЛЕ»: АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ СБОРНИК «THE SWEET-SCENTED NAME» Ф. СОЛОГУБА В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКИХ АФОРИЗМОВ

Исследование посвящено изучению англоязычного сборника рассказов Ф. Сологуба в аспекте обоснованности субъективной выборки текстов, произведенной переводчиком. В качестве верификатора привлекаются неопубликованные при жизни автора афоризмы, рассматриваемые как пред-текст. Выявлены тематические и художественные параллели между текстами, помещенными в переводной сборник, и авторскими афоризмами. Проведенный анализ свидетельствует о том, что тексты, составившие сборник, фиксируют принципиально значимые для русского автора темы и воссоздают опорные элементы его поэтики.

Ключевые слова: Сологуб; дневниковый текст; афоризмы; художественный перевод; переводческая рецепция.

Художественный перевод, являющийся формой репрезентации оригинального текста в иноязычной культуре, всегда несет в себе отпечаток творческой индивидуальности переводчика. Сопоставительный анализ оригинала и перевода позволяет определить уровни художественного текста, на которых возникают трансформации, и выявить индивидуальную переводческую стратегию. В случае, когда результатом переводческой работы становится сборник (сборник малой прозы, поэтический сборник, цикл, книга и т.п.), творческая индивидуальность переводчика проявляется уже на этапе отбора и компоновки текстов. В этом аспекте особо показательной представляется публикация первых сборников переводов, поскольку, во-первых, это ситуация первого знакомства иноязычного читателя с творчеством автора, и во-вторых, в силу того, что последующие переводные сборники появляются уже «в контексте» первого, что в определенной степени и определяет их состав: либо обращение к ранее не переведенным текстам, либо создание нового перевода (в результате чего возникает феномен переводной множественности). В целом данная проблема снимается в случае, когда перевод выполнен при жизни автора и вопрос о конкретном объекте перевода обсуждается с автором напрямую. Напротив, в ситуации отсутствия документов, прямо или косвенно свидетельствующих о воле автора, возникает необходимость прояснения специфики переводческой рецепции и определения степени произвольности в переводческой интерпретации через обращение к оригинальному творчеству автора, в том числе к дневниковым текстам как форме авторской саморефлексии.

Ф. Сологуб – писатель, в чьем творчестве идея солипсизма реализуется с максимальной для русской литературы интенсивностью: «Нет иного бытия, как только я...» (стихотворение «Все во всем...») [1. С. 353], «Я – бог таинственного мира» [1. С. 370–371], «Беру свое везде, где нахожу его» (из письма к А.А. Измайлову) [2. С. 419] и т.д. За Сологубом прочно закрепился статус художника предельного самоутверждения, что дает основание предположить высокую вероятность наличия в творческом наследии автора эго-текста, т.е. текста о себе самом и обстоятельствах собственной жизни. В определенном смысле таким текстом является «Канва к биографии» [2. С.

250–260], представляющая собою компоновку кратких записей автора, охватывающих период с раннего детства до 1907 г. (увольнение в отставку за выслугой 25-летнего стажа, с этого времени Сологуб занимается исключительно литературным трудом). Записи сопровождаются указанием места, иногда даты, но наиболее примечательной особенностью этого текста является краткость фрагментов: это фиксация локаций, присутствующих лиц, обрывков разговоров, редко – с лаконичным комментарием автора, с множественными сокращениями. Эта дневниковая форма не провоцирует автора на размышления, воспоминания, обобщения и т.п. Вероятно, это во многом объясняется отношением Ф. Сологуба к составлению биографий, выраженным им в интервью А.А. Измайлову: «Указание внешних вех жизни я считаю слишком мало уясняющим жизнь человека» [3. С. 6].

Сологуб часто фиксировал воспоминания, размышления, отрывки художественных текстов, наброски переводов на отдельных листах, в тонких тетрадах, на карточках. Подобная фрагментарность не являлась проявлением творческой рассеянности: «писатель-инспектор» (пользуясь определением М. Павловой) [4] нередко создавал целые картотеки, в том числе с фиксацией даты создания текста, наименованием издания (в которых текст печатался или в которые подавался для публикации), наименованием текста оригинала (в случаях с переводом) и прочей фактической информацией. Примечательно, что одной из характерных черт творческой работы писателя становится комбинирование фрагментов. Об этом красноречиво свидетельствует работа А.В. Сысоевой «Творимая легенда»: история текста и принципы издания» [5]. Так, исследователь указывает, что метод работы Ф. Сологуба с текстом романа-трилогии характеризуется автономностью и взаимозаменяемостью элементов разных уровней (слов, предложений, фрагментов, персонажей, сюжетных ходов).

Своего рода компенсаторную функцию по отношению к «Канве к биографии» выполняют авторские афоризмы (словом «афоризмы» обозначаем два текста, озаглавленные собственно «Афоризмы» [2. С. 192–200], а также «Достоинство и мера вещей» [Там же. С. 201–206]). Афоризмы Сологуба состоят из отдельных лаконичных фрагментов философского содержания, характеризующихся неординарностью

лексических приемов и синтаксических конструкций. Примечательным является и тот факт, что афоризмы занимают особо значимое место в художественном наследии автора, поскольку известно, что незадолго до смерти Ф. Сологуба по его же просьбе некоторые из особо ценных для автора бумаг были перебелены родственницей его жены Ольгой Черносвитовой, и в их числе – «Достоинство и мера вещей» (подробнее см.: «Вступительная заметка к публикации текстов “Афоризмы” и “Достоинство и мера вещей” М.М. Павловой» [2. С. 189–191]).

Афоризмы рассматриваются исследователями в качестве одного из малых жанров дневникового текста [6]. Во-первых, импульсом к созданию афоризма всегда служит событие реальной жизни; описание события как такового может отсутствовать, но фиксируется впечатление и рефлексия «по поводу». Во-вторых, значимой характеристикой является фрагментарность: даже ввиду отсутствия дат сохраняется установка на принципиальную разделимость текста. Безусловно, афоризмы являются способом «выговаривания» себя (множество узнаваемых мотивов), пусть косвенно, посредством изображения других субъектов и вещей именно такими, какими воспринимает их автор. В целом афоризмы Сологуба представляют собой некий пред-текст его творчества (по определению М.Ю. Михеева, «текст в его неокончательном, черновом, незаконченном виде, к которому автор еще предполагает вернуться, чтобы его переписать или дополнить» [6]): фиксируя знаковые аспекты поэтики Сологуба, «Афоризмы» и «Достоинство и мера вещей» предстают как принципиально незавершенные, или «бесконечные», открытые к дополнениям путем увеличения числа фрагментов.

Афоризмы представляют собой оригинальные высказывания Сологуба о добре и зле, красоте и безобразии, пользе и искусстве, любви и смерти. Некоторые фрагменты звучат вполне актуально и в контексте XXI в., например: «Ученые поступают слишком попростецки, отдавая свои услуги государству; они сами могли бы установить царство гения и науки» [2. С. 194]; «Чем больше порицают газеты правителей, тем лучше правительство. Если же министрам льстят в печати, то это признак полнейшего порабощения общества» [Там же]; или «Человек может быть кумиром толпы, – толпа не должна быть кумиром человека» [Там же]. Другие выглядят парадоксально и провокационно: «Прелюбодействуй целомудренно» [2. С. 195]; «Не будь слишком правдив, – а то тебя сочтут лжецом» [Там же]; «Я не знаю, – и кто знает? – Сатана ли искушал Христа в пустыне, или Христос Сатану» [Там же. С. 198]. Некоторые из афоризмов звучат иронично, если не саркастично: «Воровать труднее, чем работать. Поэтому справедливо, что удачливых воров почитают люди. Ценят здесь их искусство» [Там же. С. 194], или «Для толпы вещи ценнее людей: уважают того, кто имеет или делает вещи; презирают того, кто не имеет вещей; ненавидят отнимающего или воруемого; убийц охотнее прощают, чем воров...» [Там же. С. 197] и т.д. Одно неизменно: Сологуб предстает в этих текстах как мыслитель: афоризмы наиболее точно воссоздают парадигму его худо-

жественного сознания, фиксируя принципиальные составляющие авторской поэтики. Важно, что афоризмы, будучи материалом личным и откровенным (последний из афоризмов – «Интимное стало всемирным» [2. С. 200]), при жизни автора не издавались и были опубликованы только в конце 90-х гг. XX в. Представляется, что этот документ может свидетельствовать о мощном рецептивном потенциале текстов русского писателя и может быть привлечен, в том числе для исследования англоязычной переводческой интерпретации.

Первые переводные сборники Сологуба, опубликованные на английском языке, датируются 1915 г. Сборник «The Old House and Other Tales» выходит в переводе Дж. Курноса. В истории англоязычного перевода эта фигура достаточно известная: он переводит также произведения А. Ремизова и Л. Андреева. Джон Курнос состоял в переписке с Сологубом, приезжал в Россию (однако личной встречи не случилось ввиду исторических обстоятельств), и можно говорить о том, что в данном случае выбор текстов (а в отдельных случаях – и сами переводческие решения) обсуждались напрямую с автором. Сборник включает преимущественно «детские» рассказы (тексты, посвященные теме детства, системам образования и воспитания), а также рассказы о пограничном состоянии человеческой души и метафизической реальности. Художественные произведения русского автора воспринимаются в контексте творчества Э. По, что переводчик и фиксирует в предисловии: “<...> if Poe were a Russian, he might have written as Sologub writes” («будь По русским, он писал бы как Сологуб») (здесь и далее перевод наш. – А.С.)) [7. С. 10].

Второй сборник, переведенный Стивенем Грэмом, озаглавлен «The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales». Издание так же, как и издание переводов Курноса, включает предисловие от переводчика, в котором Грэм говорит о том, что отбор текстов для перевода осуществлялся им самим и его женой; получившийся же сборник «создает представление об очень значительном художественном творчестве» («This volume, which my wife and I have selected and translated, is offered as a foretaste of some very remarkable work» [8. С. 9]). Состав сборника выглядит достаточно неожиданно: переводчик уже в самом начале предисловия заявляет (и потом по тексту еще раз акцентирует) мысль о том, что автор – один из умнейших современных русских писателей, и именно ввиду такого ракурса восприятия существенную долю в подборке (15 из 29 текстов) составляют сказки. Сологуб создает оригинальный цикл сказок в середине 1890-х гг., и первые публикации отдельных миниатюр появляются уже в 1898–1899 гг., как отдельные издания – в 1904 (на обложке – 1905 г.) и 1906 гг. Последовавшие затем критические отзывы были весьма далеки от положительных: «образчик бессмыслицы», «одно сплошное недоумение» (цит. по: [4. С. 202]) и т.д. Автору выдвигались претензии в непонятности и бессмысленности текстов, неясности художественной идеи и пр. Сказочки называли «крошечными по размерам и по мысли» [Там же. С. 203]. Справедливости ради следует заметить, что позже (уже в конце 1905 г.)

в критике намечается тенденция к пересмотру критических оценок «Книги сказок», и вместе с изменением общей политической ситуации в стране за сказками Сологуба признается глубокий смысл. Таким образом, первоначальный прогноз массовой печати об отсутствии читательской аудитории у книги (не для детей и не для взрослых) оказался несостоятельным. Более того, именно через сказки с Сологубом знакомится англоязычный читатель.

В книге сказок, как справедливо замечает М. Павлова, Сологуб сочетает притчу с элементами поэтики абсурда. По свидетельствам современников, Сологуб имел природные наклонности к занятиям логикой, логическим и речевым экспериментам, сочинению каламбуров. Как фиксирует Э. Голлербах, «нужно было длительное общение с ним, долгие беседы, чтобы увидеть его “во весь рост”, узнать исключительную остроту и пронизательность его капризного ума, проследить тонкие извилистые изгибы его мысли, оценить огромную его культурность. Слушать его проповеди-импровизации на любую, случайно брошенную тему было величайшим наслаждением. Он “препарировал” любой образ, любое явление по-своему, по-Сологуби, выворачивая тему наизнанку <...> он бросал иногда тезисы, вызывающие недоумение, – и через полчаса это недоумение рассеивалось под неотразимым воздействием его парадоксальных доводов» [9. С. 151]. Во многом именно таким Сологуб и предстает впервые перед западным (англоязычным) читателем.

В предисловии от переводчика Грэм ставит Сологуба в один ряд с А. Чеховым, А. Куприным и А. Ремизовым, замечая, однако, что Сологуб является «более современным» («he is more modern than these» [8. С. 7]): у русского автора новые мысли, новый язык (для вербализации этих мыслей) и абсолютно новый стиль (для адекватной из репрезентации). Сологуб предстает как мастер суггестии, внушения; он околдовывает с первых фраз и не отпускает уже читателя до финала («he can cast the reader into a spell and they say magical sentences in his ears» [Там же]). Кроме того, в текстах Сологуба, по замечанию переводчика, отразилось потрясающее чувство юмора автора.

Тексты, отобранные С. Грэмом, часто являются своего рода художественными иллюстрациями к неопубликованным при жизни афоризмам. В переводе сборник озаглавлен «The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories» («Благоуханное имя и другие сказки, истории и рассказы»). Фиксация в заглавии малопопулярной в России авторской сказки является проявлением глубокой художественной интуиции переводчика, не претендующего, как видно из предисловия, на литературно-критическое осмысление творчества Сологуба (отбор текстов производится на основе субъективного критерия). Во-первых, Грэм очень точно «улавливает» суть декадентского искусства, метафорично сформулированную в одном из писем к З. Гиппиус А. Блоком: «Декаденты ведь ангелы, не забывшие о своем начальстве, но “оставившие” свое жилище. Всегда брезжит в памяти иной смысл, когда кругом отбивается такт мировой жизни» [10. С. 46]. Во-вторых, уже в заглавии сборника пере-

водчик делает акцент на принципиально важной для понимания творчества русского писателя авторской концепции слова.

Повествование сказки «Благоуханное имя» выстраивается вокруг царевны Маргариты – ангела, в наказание за высокомерие отправленного на землю и забывшего «про небо, и про все, что было, и <...> даже свое имя». Царевна Маргарита постоянно ощущает неполноту бытия и пытается вспомнить свое настоящее имя. При этом окружающие даже сомневаются в умственных способностях царевны, которая хочет «слышать рассвет», «чувствовать запах слов» и т.д. Однажды царевна попадает в дом крестьянской девочки, жалеет ее и, чтобы порадовать, начинает петь и танцевать. Девочка вспоминает, что однажды видела во сне танцующего ангела и громко называет его имя, дом наполняется ароматом цветов, и царевна Маргарита вспоминает все: и свое небесное имя, и ангельский статус, и причину, по которой была отправлена на землю. Важно, что само имя не названо (подобный ход Сологуб использует и в других своих произведениях, например в рассказе «Одно слово», где единственное слово, написанное в записке и разрешающее сюжетную коллизию, так и не названо). Это отвечает авторской концепции слова как такового; и в афоризмах находим: «Слова возрастают в своем значении. Грядет Слово – царить, судя» [2. С. 198]. Как пишет Сологуб в статье «Не постыдно ли быть декадентом» [4. С. 494–501], земные слова «закрывают от нас действительность» [Там же. С. 499], люди привыкли к шаблонам, и точная речь кажется им непонятной в силу своей неожиданности: «Если декадент говорит о зеленых собаках ревности или о голодных царевнах в пустыне... слова вводятся в новые и точные сочетания, непривычные для слуха, – хотя некоторые из них употреблялись и в старину <...> декадентство вызывает заботу об очищении и улучшении речи, об ее точности и силе» [Там же. С. 500]. Повышенное внимание к слову, ощущение его сакральности, постоянное стремление обрести слово истинное, т.е. «благоуханное имя», и есть важнейшая задача писателя.

Другой афоризм актуализируется в тексте сказки «Благоуханное имя» в отношениях окружающих к царевне Маргарите: «Чем святее для тебя истина, тем менее говори о ней: люди подумают, что их хотят обмануть, и запачкают твою правду своею глупостью» [2. С. 194]. Царевна, ввиду своего божественного происхождения, интуитивно ощущает существование истины, пытается говорить о ней, в первую очередь задавая вопросы своим близким – отцу, матери, няне. Но никто не мог ответить на ее вопросы, все только смеялись, и «стали говорить в той стране, что у царя дочка растет глупая. И было много заботы царю, сделать так, чтобы царевна была как все. Но она все задумывалась и спрашивала о ненужном и странном...» [11. С. 34].

Примеры подобных художественных иллюстраций множественны. Так, афоризм 34 гласит: «Подчиняйся всему, что установят люди: все это слишком ничтожно, чтобы спорить против этого» [2. С. 195]; и Турандина, героиня одноименного рассказа, извлекает из

мешка неизвестно откуда взявшийся там паспорт, чтобы избежать конфликта с урядником и отвести подозрения от своего возлюбленного, при этом вслух произносит: «<...> меня никогда не звали Тамарою. Эта книжка говорит неправду, – она для твоего урядника и для всех тех, кто правды не знает и знать не может. А я – Турандина, дочь короля Турандоне. Живя среди людей, уже успела я увидеть, что правды они не хотят» [12. С. 420].

Художественной иллюстрацией к афоризму «Не отвергаю добра, – но ничтожно и лицемерно добро Ваше. Не хвалю зла, но что есть зло? То, что иным зло – возвышеннее и лучше добра» [2. С. 203] является сказка «Леденчик» (The Bit of Candy): «добрая» девочка, подумав о леденце «Съесть самой или на бедных пожертвовать?», решает, что «Лучше буду делиться с бедными пополам», и затем доедает последние полполовинки, ведь «так мало осталось, что уже и не стоило отдавать бедной девочке» [11. С. 16]. Афоризм «Элемент опасности должен быть в воспитании. Иначе дряблые и дранные вырастут дети» [2. С. 204] раскрывается в сказке «Нежный мальчик» (The Delicate Child). И совсем традиционно в контексте творчества Сологуба звучит афоризм «Если же ты слаб, удел твой – удел раба. Служи сильным и не ропщи. – Устанешь, озлишься – умри» [Там же. С. 204], иллюстрацией к которому служит рассказ «Голодный блеск» (The Hungry Gleam). Заметим здесь, что на английский язык данный рассказ переводился дважды, переводы Дж. Курноса и С. Грэма сделаны почти одновременно (публикуются в составе сборников в 1915 г.), при этом существенно отличаются ракурсами переводческой (т.е. первой читательской) интерпретации, что отражается уже в переводе заглавий – «The Glimmer of Hunger» Дж. Курноса (буквально – «Мерцание / Проблеск голода») и «The Hungry Gleam» С. Грэма (буквально – «Голодный блеск»).

Итак, основными темами сборника в переводе С. Грэма становятся абсурд земного существования и

попытка обрести себя, относительность добра и зла, невозможность «карманной истины», сакральность слова. Выбор текстов осуществлен переводчиком и до сих пор не было обнаружено свидетельств тому, что Сологуб каким-либо образом влиял на отбор произведений. Принципиально, что весьма значительную часть сборника составляют сказки-притчи, лаконичные по форме и по самой сути своей провоцирующие интерпретацию, читательское истолкование-дистраивание. Тексты, отнюдь не сразу воспринятые современниками-соотечественниками, высоко оценены переводчиком, и именно с ними Сологуб входит в англоязычную переводную литературу. Выявленные тематические и художественные параллели между текстами, помещенными в переводной сборник, и авторскими афоризмами свидетельствуют о том, что подборка в переводе оказывается созвучна дневниковым афоризмам, текстам, принципиально важным для самого русского автора, опубликованным исследователями в конце XX в. и на английский язык не переводившимся. Переводы, составившие ранний англоязычный сборник, фиксируют принципиально значимые для русского автора темы и воссоздают опорные элементы его поэтики. Таким образом, переводчик очень точно «считывает» Сологуба (что афоризмы и подтверждают). Следуя концепции слова, разработанной самим Сологубом, возможно, что именно в силу своей совершенно объективной дистанцированности от «словесных шаблонов» языка оригинала, следуя за сюжетами и образами, переводчик «улавливает», прежде всего, те краевые смыслы, которые формируют парадигму художественного мышления и творчества автора. На этапе знакомства англоязычного читателя с творчеством Сологуба переводчик обратился к жанру, отнюдь не определяющему в творчестве русского автора, актуализировав те смыслы его творчества, которые традиционно не являлись и не являются доминантными в представлении русскоязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 т. СПб. : Наука, 2014. Т. 2, кн. 1. 992 с.
2. Неизданный Федор Сологуб. М. : Новое литературное обозрение, 1997.
3. Аякс <Измайлов А. А.>. У Ф.К. Сологуба // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. № 13151. 19 сент.
4. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.
5. Сысоева А.В. Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда»: история текста и принципы издания : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 177 с.
6. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или *пред*-текст. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/mihev/kniga.htm>
7. Sologub F. The Old House and Other Tales / translated from the Russian by John Cournos. London : Martin Secker, 1915.
8. Sologub F. The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories / ed. by Stephen Graham. London : Constable and Company Ltd., 1915.
9. Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. 566 с.
10. Письмо А.А. Блока к З.Н. Гиппиус, 14 сентября 1902 // Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Гослитиздат, 1963. Т. 8. 770 с.
11. Сологуб Ф.К. Собр. соч. : в 12 т. СПб. : Шиповник, б.г. Т. 10. 230 с.
12. Сологуб Ф. Книга стремлений. Неутолимое. Рассказы. СПб. : Навьи Чары, 2002. 529 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 апреля 2019 г.

Towards Translator's "Excesses": *The Sweet-Scented Name* by F. Sologub in the Context of Authorial Aphorisms

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 60–64.

DOI: 10.17223/15617793/444/7

Anna B. Strelnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

Keywords: Sologub; "diary" text; aphorisms; translation of fiction; translator's reception.

The research is conducted within the scope of receptive aesthetics and deals with the analysis of one of the first Fyodor Sologub's collections of stories translated into English. The focus of the study is the content of the collection composed by the translator through selecting the stories according to his own preferences. The texts investigated in the course of the research include the lifetime edition of fairy tales within Sologub's collected writings issued in 12 volumes, the reprint of English-language collection of stories *The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories* translated by S. Graham and published in 1915, Sologub's "Aphorisms" and "Things' Worth and Value" that remained unpublished during his lifetime (the latter two are considered to be pre-text). The first collections of stories by Sologub were translated into English and published in 1915. *The Old House and Other Tales* was translated by J. Cournos, who also translated the writings by A. Remizov and L. Andreyev. Cournos and Sologub were in correspondence; therefore, it is possible to trace back how the texts were selected and how some of the translation choices were made, as a rule, in discussion with the author of the original texts. The collection of stories translated by S. Graham comprises a noticeable number of fairy tales (15 out of 29 texts in total). Despite the fact that the translator did not choose the most famous writings and the tales were selected based on the translator's preferences, the comparative analysis of Sologub's aphorisms and his writings translated by Graham shows a number of mutual points. Graham gave an unpopular fairy tale in the title of the collection, which indicates his profound artistic intuition as a translator. Firstly, Graham clearly understood the idea of Decadents' art, which A. Blok metaphorically formulated as follows: "Decadents are angels who did not forget their supervisor but left their home". Secondly, the title of the collection emphasized the concept of word, which was crucial for the Russian author. The main topics in the translated collection are the absurdity of the earthly life, an attempt to comprehend oneself, the relativity of good and evil, the invalidity of "one's own truth", the sacral meaning of word. The texts of the collection emphasize the topics which were particularly important for Sologub and reflect the principle points of his art. In the course of the research, it has been revealed that the texts Graham selected are artistic illustrations to Sologub's aphorisms that remained unpublished during his lifetime. The fact that the translator turned to the genre moderately presented in Sologub's writings allowed emphasizing the writer's ideas traditionally considered as marginal within the scope of his art.

REFERENCES

1. Sologub, F. (2014) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem: v 3 t.* [Complete Collection of Verses and Poems: In 3 vols]. Vol. 2. Book 1. St. Petersburg: Nauka.
2. Pavlova, M.M. & Lavrov, A.V. (eds) (1997) *Neizdannyy Fedor Sologub* [The unpublished Fyodor Sologub]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Ayaks <Izmaylov, A. A.>. (1912) U F.K. Sologuba [Visiting F.K. Sologub]. *Birzhevye vedomosti*. 13151. 19 September. Evening Issue.
4. Pavlova, M.M. (2007) *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov* [An Inspecting Writer: Fyodor Sologub and F.K. Teternikov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Sysoeva, A.V. (2011) *Roman F. Sologuba "Tvorimaya legenda": istoriya teksta i printsipy izdaniya* [F. Sologub's novel "A Created Legend": the history of the text and the principles of publication]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Mikheev, M.Yu. (2006) *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst* [The diary in Russia of the 19th–20th centuries: ego-text, or pre-text]. [Online] Available from: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>.
7. Sologub, F. (1915) *The Old House and Other Tales*. Translated from Russian by John Cournos. London: Martin Secker.
8. Sologub, F. (1915) *The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories*. Ed. by S. Graham. London: Constable and Company Ltd.
9. Gollerbakh, E. (1998) *Vstrechi i vpechatleniya* [Encounters and impressions]. St. Petersburg: INAPRESS.
10. Blok, A.A. (1963) Pis'mo A.A. Bloka k Z.N. Gippius, 14 sentyabrya 1902 [Letter from A.A. Blok to Z.N. Gippius, September 14, 1902]. In: *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
11. Sologub, F.K. (n.d.) *Sobr. soch.: v 12 t.* [Works: In 12 vols]. Vol. 10. St. Petersburg: Shipovnik.
12. Sologub, F.K. (2002) *Kniga stremleniy. Neutolimoe. Rasskazy* [The Book of Aspirations. The Insatiable. Stories]. St. Petersburg: Nav'i Chary.

Received: 28 April 2019